

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-360-384

EDN: IGQQR

УДК 316.6

Исследовательская статья

Воспринимаемая культурная дистанция и психологическое благополучие русских в разных контекстах постсоветских стран: медиативная роль аккультурационных стратегий

В.Н. Галяпина¹, М.М. Умуркулова², О.Р. Тучина³

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

² Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова,
Караганда, Республика Казахстан

³ Кубанский государственный технологический университет,
Краснодар, Российская Федерация

 vgalyapina@hse.ru

Аннотация. Исследование посвящено поиску универсальных и культурно-специфических взаимосвязей воспринимаемой культурной дистанции, аккультурационных стратегий и психологического благополучия русских в трех постсоветских странах (Казахстане, Армении и Эстонии). В исследовании мы опирались на теорию воспринимаемой культурной дистанции и теорию аккультурации. Выборка включала 660 русских (179 – в Казахстане, 358 – в Эстонии, 123 – в Армении). Использовали моделирование структурными уравнениями, мультигрупповой и медиационный анализ. Результаты показали, что высокая воспринимаемая культурная дистанция способствует снижению психологического благополучия русских в постсоветских странах, где они имеют значительную численность (Казахстан и Эстония). Кроме того, высокая воспринимаемая культурная дистанция снижает ориентацию на интеграцию во всех странах, повышает установки на сепарацию в благоприятных контекстах (Казахстане и Армении) и понижает — в неблагоприятном (Эстония). Медиационный анализ показал, что в странах, где численность русских достаточно большая, важным фактором выступает воспринимаемая культурная близость, именно она повышает значимость стратегии интеграции (в Эстонии), снижает значимость стратегии сепарации (в Казахстане), что приводит к психологическому благополучию русских. В Армении, где русских очень мало, они выработали механизм адаптации как в ситуации высокой, так и низкой воспринимаемой культурной дистанции: в первом случае высокая культурная дистанция повышает установки на сепарацию, и они приводят к психологическому благополучию, в ситуации низкой культурной дистанции медиатором выступает стратегия интеграции, она опосредует положительную связь воспринимаемой культурной близости и психологического благополучия русских в Армении. Исследование показало, что актуализация в дискурсе стран информации о близости культур, о наличии общей

© Галяпина В.Н., Умуркулова М.М., Тучина О.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

истории, традиций и др., может быть стимулом для снижения воспринимаемой культурной дистанции у представителей этнических меньшинств и способствовать их психологическому благополучию.

Ключевые слова: воспринимаемая культурная дистанция, стратегии аккультурации, психологическое благополучие, русское этническое меньшинство, Казахстан, Эстония, Армения

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Введение

После распада СССР на базе союзных республик образовались независимые национальные государства, которые выбрали разные траектории развития. В целом это повлияло на межгрупповые процессы и межкультурные отношения в этих странах. Русские, проживающие в постсоветских «новых» государствах, оказались за границей, изменился их этнический статус, они стали этническим меньшинством. Многие мигрировали, тем что остались пришлось адаптироваться к сложившейся социокультурной и политической ситуации. В этой связи важно понимать, какие факторы влияли и влияют на их успешную адаптацию и психологическое благополучие. В данном исследовании мы фокусируемся на психологическом благополучии русских, проживающих в трех постсоветских странах – Казахстане, Эстонии, Армении. Мы анализируем взаимосвязь воспринимаемой культурной дистанции с показателями психологического благополучия и роли в этой взаимосвязи аккультурационных стратегий.

Исследования воспринимаемой культурной дистанции

Впервые понятие воспринимаемой культурной дистанции (далее – ВКД) было использовано в работе Babiker et al. (1980). Обобщение понятий этого феномена, предложенных разными авторами (Babiker et al., 1980; Mumford, 1998; Searle, Ward, 1990; Suanet и Van de Vijver, 2009; Melkonian, Areepattammannil, Menano, Fidalgo, 2019), позволяет заключить, что ВКД – это субъективные оценки сходств и различий между социальными и физическими аспектами той культуры, которая для человека является родной и принимающей культурой.

Достаточно часто феномен ВКД анализируется в контексте эффективных межкультурных продаж (De Quero-Navarro et al., 2022; Charoensukmongkol, Pandey, 2021). Например, исследование тайских продавцов, торгующих на выставках в Японии, Индии, Вьетнаме, показало, что ВКД смягчает влияние внимательности к чертам личности покупателя на планирование и эффективность межкультурных продаж (Charoensukmongkol, Pandey, 2021). Также в некоторых исследованиях ВКД рассматривают как ресурс развития организаций и введение инноваций, связанных с освоением международных рынков (Pesch, Bouncken, 2017; Azar, Drogendijk, 2016).

*Исследования взаимосвязи воспринимаемой культурной дистанции
и адаптации мигрантов*

Много исследований посвящено изучению ВКД в контексте краткосрочной миграции, например, туристической (Fan et al., 2017; Liu et al., 2018) или образовательной (Galchenko and van de Vijver, 2007; Melkonian, Areepattamannil, Menano, Fidalgo, 2019). Анализируя роль ВКД для адаптации международных студентов, исследователи отмечают, что стресс, вызванный сочетанием отсутствия опыта проживания в культуре принимающей страны и культурной дистанцией, снижает успешную социокультурную адаптацию в целом (Galchenko and van de Vijver, 2007; Melkonian, Areepattamannil, Menano, Fidalgo, 2019) и вероятность бicultурной компетенции (Benet-Martínez, & Haritatos, 2005; Berry, 2005; Bourhis, Montaruli, El-Geledi, Harvey, & Barrette, 2010; LaFromboise, Coleman, & Gerton, 1993). Однако необходимо отметить, что есть исследования, в которых ВКД не предсказывала результат социокультурной адаптации. Примером может служить изучение иностранных неазиатских студентов в Китае (English, Chi, 2020).

Не так много исследований, которые изучали бы другие группы мигрантов (долгосрочные, трудовые и пр.). Анализ показывает, что в этих исследованиях ВКД рассматривается также через призму стресса аккультурации. Например, было доказано, что ВКД повышает уровень стресса у мигрантов при въезде в новую страну (Babiker et al., 1980; Mumford, 1998; Searle, Ward, 1990). Кроме того, воспринимаемая культурная дистанция влияет на взаимодействие мигрантов с принимающим обществом, оценки своих возможностей (Galchenko and van de Vijver 2007; Suanet и van de Vijver, 2009) и успеха в принимающей стране (Suanet и van de Vijver, 2009; Ward, 2001; Ward, & Kennedy, 1993).

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что большинство исследований ВКД были проведены на краткосрочных мигрантах; при этом установлено, что ВКД оказывает отрицательное влияние на социокультурную адаптацию мигрантов, их психологическое здоровье и благополучие.

*Стратегии аккультурации и психологическое благополучие
мигрантов и этнических меньшинств*

Многочисленные исследования, проведенные среди мигрантов и этнических меньшинств, доказывают, что наиболее успешной для психологического благополучия этих групп является стратегия интеграции (Mutual intercultural relations, 2017; Berry et al., 2006; Verkuyten, 2009). Например, исследование, проведенное среди русских в Грузии и Таджикистане, показало, что стратегия интеграции способствует их самоуважению и удовлетворенности жизнью (Berry et al., 2019). Наименее успешной для психологического благополучия мигрантов является стратегия маргинализации (Berry et al., 2006; Croucher, 2013). Исходя из этого мы не анализировали в данном исследовании эту стратегию.

Сепарация и ассимиляция оказывают положительное влияние на психологическое благополучие мигрантов и этнических меньшинств только в определенном контексте (Galyapina, Lepshokova, Molodikova, 2021; Schmitz, Berry, 2011; Jasinskaja-Lahti, Horenczyk, Kinunen, 2011; Kus-Harbord, Ward,

2015). Например, в исследовании мигрантов из Средней Азии в России было установлено, что стратегия ассимиляции положительно взаимосвязана с их удовлетворенностью жизнью (Lebedeva, Ryabichenko, 2016). Однако в исследованиях, проведенных среди русских Грузии (Berry et al., 2019) и в Латвии (Lebedeva, Tatarko, Galyarina, 2017), стратегия ассимиляции снижала их благополучие. Исследование, проведенное в Крыму среди крымских татар (Коджа и др., 2019), и исследование армян Кубани показали, что стратегия сепарации положительно сказывается на их благополучии (Galyarina, Tuchina, Apollonov, 2023). Однако у русских Дагестана данная стратегия, напротив, не способствовала их психологическому благополучию (Galyarina, Lepshokova, Molodikova, 2021).

Исследования медиационной роли аккультурационных стратегий

Анализ показал, что в исследованиях проверяется в основном прямой эффект аккультурационных стратегий на адаптацию мигрантов и этнических меньшинств. Есть немного исследований, в которых данные стратегии рассматриваются как медиаторы. Например, в исследовании, проведенном среди русских в республиках Северного Кавказа, установлено, что стратегии аккультурации медируют взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью, межкультурными дружескими контактами и психологическим благополучием (Lebedeva, Galyarina, Lepshokova, Ryabichenko, 2017).

Практически не рассматривалась медиационная роль аккультурационных стратегий в контексте ВКД и психологического благополучия. Однако на основе ранее проведенных исследований мы можем предположить, что ВКД снижает бикультурную компетенцию (Benet-Martínez, & Haritatos, 2005; Berry, 2005; Bourhis, Montaruli, El-Geledi, Harvey, & Barrette, 2010; LaFromboise, Coleman, & Gerton, 1993). Чем ниже бикультурная компетентность, то есть обладание атрибутами, необходимыми человеку для успешного управления жизнью в двух культурах (LaFromboise et al., 1993), тем беднее культурная ориентация человека на культуру принимающей страны, тем больше вероятность плохой адаптации (Ward 2001; Ogbu, 1992; Schachner, Van de Vijver, & Noack, 2014; Babiker et al., 1980; Rienties, Tempelaar, 2013). То есть мы можем заключить, что высокая ВКД снижает ориентацию на интеграцию, предполагающую как сохранение собственной культуры, так и принятие другой, что приводит к снижению адаптации (как социокультурной, так и психологической).

Поскольку характер ВКД меняется в зависимости от поколения мигрантов, длительности проживания в другой культуре, и исходя из социокультурного контекста, в котором происходит процесс аккультурации, также может возникать конфликт собственной культурной идентичности и идентичности с принимающей культурой (Ward, 2007), который в свою очередь может влиять на уровень стресса (Kibria, 2000), успешность адаптации мигрантов и их психологическое благополучие.

Можно предположить, что стратегия интеграции может смягчать негативные последствия воспринимаемой культурной дистанции на психологическое благополучие, однако какова медиационная роль стратегий ассимиляции и сепарации не известно.

Социокультурный контекст исследования

Ранее проведенные исследования показывают, что социокультурный контекст, а также длительность проживания в принимающей культуре могут быть важными условиями, которые оказывают влияние как на ВКД, предпочтение аккультурационных стратегий, так и на психологическую адаптацию мигрантов. Исходя из этого мы проанализировали социокультурные контексты трех стран, в которых проводилось исследование (Казахстан, Эстония и Армения).

Все три государства поликультурные. Русские являются этническим меньшинством, проживают на территории этих государств около 200 лет. После распада СССР их численность в данных странах значительно сократилась из-за миграции. Сейчас доля русских сильно различается: в Эстонии русские составляют 22 % населения¹, в Казахстане – 15,5 %², в Армении – всего лишь 0,39 %³. При этом в Армении и Казахстане после распада СССР русские получили гражданство автоматически, а в Эстонии должны пройти процедуру натурализации, и в настоящее время негражданами являются около 21 % русских⁴.

По религиозному составу страны также имеют различия: в Казахстане более 90 % казахов исповедуют ислам суннитского толка⁵ (Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан, 2023), в Армении более 90 % армян являются христианами и относят себя к Армянской апостольской церкви⁶. В Эстонии эстонцы относят себя скорее к неверующим, таковых 71 %, среди верующих 55 % считают себя православными, 34 % — лютеранами⁷.

¹ Statistikaamet. RL0424: Rahvastik kodakondsuse, rahvuse, soo, vanuserühma ja maakonna järgi, 31. Detsember 2011. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus_rel2011_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_kodakondsus/RL0424 (access date: 28.02.2024).

² Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан / под ред. Ж.Н. Шаймарданова. Нур-Султан: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 29.01.2024).

³ Национальная статистическая служба Республики Армения. Таблица 5.4 Население (городское, сельское) по национальности, полу и вероисповеданию // Результаты переписи населения Республики Армения 2011 г. Ереван: Национальная статистическая служба РА, 2013. С. 290-294. URL: <https://armstat.am/file/doc/99484908.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

⁴ Statistikaamet. RL0424: Rahvastik kodakondsuse, rahvuse, soo, vanuserühma ja maakonna järgi, 31. Detsember 2011. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus_rel2011_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_kodakondsus/RL0424 (access date: 28.02.2024).

⁵ Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан / Под ред. Ж.Н. Шаймарданова. Нур-Султан: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 29.01.2024).

⁶ Национальная статистическая служба Республики Армения. Таблица 5.4 Население (городское, сельское) по национальности, полу и вероисповеданию // Результаты переписи населения республики Армения 2011 г. Ереван: Национальная статистическая служба РА, 2013. С. 290–294. URL: <https://armstat.am/file/doc/99484908.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

⁷ Statistikaamet. RL0451: Vähemalt 15-aastased usu, soo ja elukoha järgi, 31. Detsember 2011. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus_rel2011_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_usk/RL0451 (access date: 28.02.2024).

Если говорить об использовании русского языка, то в Казахстане он является официальным, в Эстонии и Армении его статус не определен, этническое большинство практически не использует его в повседневной жизни. В отношении получения образования можно отметить, что в Казахстане число школ с русским языком обучения составляет 3606, это примерно около 25 % от всех школ⁸. В Эстонии образование на русском можно получить всего в 78 школах. При этом с 2007 года идет ориентация на обучение только на эстонском языке⁹. В Армении в 45 школах из 1353 обучение ведется в том числе и на русском языке, 14 из этих школ – «чисто» русские (6 – обычных, 7 – для погранотрядов Пограничных войск России, 1 – для детей дипломатических работников и сотрудников посольства)¹⁰.

Если рассматривать особенности культуры, то в Казахстане, где активно идут процессы экономической, социально-политической и культурной трансформации, наряду с тенденцией все более возрастающей свободы выбора индивидуального стиля жизни наблюдается возрождение национальных ценностей, связанных с этнической казахской культурой (Шалгинбаева, 2002.). В исследованиях отмечается, что у армян в Армении более всего выражены ценности «принадлежности» и «иерархии», что свидетельствует об их традиционной ориентации (Жамакочян, Акопян, 2013). Но есть другие исследования, которые говорят о том, что наряду с традиционным высокоритуалистичным поведением, характерным для кавказской культуры, армянам присущи и такие индивидуалистические черты, как энергичность, предприимчивость, смекалка (Цуциев, 2001).

У эстонцев в Эстонии, по данным исследований, более выражены ценности личностного фокуса – самоутверждения и открытости изменениям, для них в большей степени важна защита частных интересов, что более характерно для европейских обществ (Руднев, 2009). Европейское социологическое исследование, проведенное среди эстонской и русской общин, показало, что их ценности сильно различаются, и эти различия самые значимые по сравнению с другими Балтийскими странами¹¹ (Хоботов, 2015).

Межэтнические отношения представителей этнического большинства и русских в этих странах имеют различия. Отношения между русскими и казахами в Казахстане являются стабильными и благоприятными (Назаров, 2017). В Эстонии контакты между русскими и эстонцами ограничиваются работой и общественной сферой, только 10 % имеют межэтнические контакты в свободное время (Kaldur et al., 2017). В целом существует дискриминация

⁸ Сколько школ с русским языком обучения в странах ЕАЭС // Sputnik. 24.08.2023. URL: <https://ru.sputnik.kz/20230824/skolko-shkol-s-russkim-yazykom-obucheniya-37904111.html> (дата обращения: 24.08.2023).

⁹ *Eesti Hariduse Infosüsteem. Koolid* URL: <https://enda.ehis.ee/avalik/avalik/oppesutus/OppeasutusOtsi.faces;jsessionid=c0a8c8ca30d8d51b95600edc4dcfa3cdef6a5ce8e4ce.e3ySaN8Ob38Le3mSchaOcheRbO> (access date: 28.02.2024).

¹⁰ *Ткачев О., Ермишин Д.* География распространения русского языка в Армении // Русское географическое общество. 7 декабря 2022. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/geografiya-rasprostraneniya-russkogo-yazyka-v-armenii> (дата обращения: 29.01.2024).

¹¹ *Хоботов А.* Ценности эстонцев и русских Эстонии различаются кардинальным образом. // ERR. 03.04.2015. URL: <https://rus.err.ee/209352/cennosti-jestoncev-i-russkih-jestonii-razlichajutsja-kardinalnym-obrazom> (дата обращения: 24.10.2023).

русских, поскольку выражено трудовое неравенство, связанное с особенностями законодательства в области гражданства и языка. В Армении по данным политологов, наблюдается создание более устойчивого и сильного «имиджевого присутствия» России, что сказывается на положительном отношении к русским (Оганисян, 2012). Молодежь Армении имеет толерантные установки по отношению к русским и ориентирована на эффективные межкультурные отношения (Современная молодежь Армении и России..., 2020).

Таким образом, можно заключить, что русские в Казахстане и Эстонии имеют достаточно высокую долю в численности населения в отличие от Армении. Наиболее далекой для русских является казахская культура, но при этом в Казахстане есть поддержка русского языка и образования на русском, межэтнические отношения достаточно стабильные. В Эстонии, напротив, существует дискриминация русских, снижаются доля русских школ и пространство использования русского языка. В Армении русских очень мало, русский язык не используется местным населением, хотя школы с русским языком достаточно представлены в образовательном пространстве и отношения между армянами и русскими не являются напряженными.

Анализ показал, что контексты трех стран достаточно сильно отличаются, поэтому результаты исследования взаимосвязи ВКД и аккультурационных стратегий с психологическим благополучием русских в этих странах также могут различаться.

Гипотезы и исследовательские вопросы

Опираясь на представленный выше обзор релевантной литературы и анализ социокультурного контекста изучаемых стран, мы выдвинули ряд основных и альтернативных (в случае наличия неоднозначных данных предшествующих исследований) гипотез и поставили исследовательские вопросы.

Гипотеза 1. ВКД отрицательно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Гипотеза 2. Стратегия интеграции предсказывает психологическое благополучие представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Гипотеза 3. Стратегия ассимиляции положительно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Альтернативная гипотеза 3. Стратегия ассимиляции отрицательно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Гипотеза 4. Стратегия сепарации положительно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Альтернативная гипотеза 4. Стратегия сепарации отрицательно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Исследовательский вопрос 1: Какова медиационная роль аккультурационных стратегий интеграции, ассимиляции и адаптации во взаимосвязи ВКД и психологического благополучия русских в постсоветских странах?

Исследовательский вопрос 2: Каковы межстрановые сходства и различия во взаимосвязях ВКД, аккультурационных стратегий с психологическим благополучием русских в Казахстане, Эстонии и Армении?

Процедура и методы исследования

Выборка

В данное исследование вошли представители русского этнического меньшинства Казахстана, Эстонии и Армении ($N = 660$ респондентов). Основные характеристики выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки / Gender and Age Characteristics of the Sample

Респонденты / Respondents	N	Пол / Gender			Возраст / Age			
		М/М (%)	Ж/Ж (%)	Не указали / Not specified (%)	Min.	Max.	M	SD
Русские Казахстана / Russians from Kazakhstan	179	21,6	78,4	0	17	69	38,15	17,02
Русские Эстонии / Russians from Estonia	358	50	42,8	7,2	18	75	37,29	16,63
Русские Армении / Russians from Armenia	123	38,2	61,8	0	18	74	39,75	13,37

Инструментарий

В данном исследовании мы использовали шкалы из опросника проекта MIRIPS, переведенного и адаптированного для русской выборки (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009).

Стратегии аккультурации: шкала интеграции включала 4 пункта, например, «Для меня важно свободно владеть как казахским/эстонским/армянским, так и русским языками»; шкала ассимиляция включала 4 пункта, например, «Я предпочитаю общественную деятельность, в которой участвуют только казахи/эстонцы/армяне»; шкала сепарации включала 4 пункта, например, «Я предпочитаю участвовать в мероприятиях, в которых участвуют только русские». Для оценки использовалась шкала Ликерта от 1 до 5: 1 – «Совершенно не согласен», 5 – «Абсолютно согласен».

Психологическое благополучие. Мы использовали две шкалы – шкалу самоуважения, включающую 4 утверждения, например, «Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими»; шкалу удовлетворенности жизнью, включающую 4 утверждения, например, «Во мно-

гом, моя жизнь близка к идеалу». Для оценки использовалась шкала Ликерта от 1 до 5: 1 – «Совершенно не согласен», 5 – «Абсолютно согласен».

Воспринимаемая культурная дистанция (ВКД). Для измерения использовалась адаптированная шкала культурной дистанции (Galchenko & Van de Vijver, 2007), включающая 12 утверждений. Респондентам необходимо было указать, насколько похожими или отличными в России и в стране проживания являются прием пищи, семейные отношения и др. Для оценки использовалась шкала Ликерта от 1 до 5: 1 – «Совершенно не важно», 5 – «Принципиально важно». Соответственно 1 – свидетельствует о низкой культурной дистанции, 5 – о высокой.

Социально-демографические данные: пол, возраст, образование и этническая принадлежность респондентов.

Математико-статистическая обработка данных: были использованы описательные статистики, α Кронбаха, MANOVA и регрессионный анализ с дополнительным медиационным анализом (модуль «Процесс», применялась модель 4), моделирование структурными уравнениями (SEM) с использованием приложения AMOS (SPSS 22.0).

Процедура исследования

В опросе использовалась «удобная» выборка, применялся метод «снежного кома». В распространении опросника в Казахстане помогли исследователи из Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова, в Эстонии – исследователи из Таллинского университета, в Армении – из Российско-Армянского (славянского) университета. Участие в исследовании было добровольным, не предполагало вознаграждения.

Результаты исследования

На первом этапе мы сравнили все исследуемые переменные у русских, проживающих в Казахстане, Эстонии и Армении с помощью MANOVA (страна была независимой переменной, воспринимаемая культурная дистанция, стратегии аккультурации и психологическое благополучие — зависимыми). Результаты (табл. 2) показали значимые различия: Wilks's $\Lambda = 0,824$, $F(12, 1302) = 11,071$, $p = 0,000$, $\eta^2 = 0,094$. Различия по отдельным показателям также были значимыми, за исключением стратегии сепарации и удовлетворенности жизнью.

Результаты показали, что ВКД наиболее всего выражена у русских в Армении, далее идут русские в Эстонии, менее всего воспринимают культурную дистанцию русские в Казахстане. Стратегия интеграции более всего выражена у русских в Эстонии, у русских в двух других странах – менее. Стратегию ассимиляции менее всего предпочитают русские в Армении, далее идут русские в Эстонии, более всего данная стратегия выражена у русских в Казахстане. Стратегия сепарации имеет средние значения у русских

всех трех групп. Более высокий уровень самоуважения у русских в Армении, у русских Эстонии и Казахстана ниже. Уровень удовлетворенности жизнью у русских всех трех групп был чуть выше среднего и не имел значимых различий.

Таблица 2 / Table 2

Сравнение средних значений всех исследуемых переменных и показатели α Кронбаха у русских Казахстана/Эстонии/Армении/ Comparison of the Mean Values of All the Studied Variables and Cronbach's Alpha among Russians from Kazakhstan/Estonia/Armenia

Переменные / Variables	M	SD	Cronbach's α	F (4; 656)	Partial η
Воспринимаемая культурная дистанция / Perceived cultural distance	3,18c / 3,00b / 2,79a	0,62/ 0,62/ 0,58	0,88 / 0,87 / 0,86	15,20***	0,044
Интеграция / Integration	3,94a / 4,27b / 4,05a	0,67 / 0,68 / 0,88	0,69 / 0,64 / 0,77	13,98***	0,041
Ассимиляция / Assimilation	2,04c / 1,78b / 1,51a	0,88 / 0,79 / 0,56	0,85 / 0,81 / 0,68	18,43***	0,053
Сепарация / Separation	2,43a / 2,47a / 2,61a	0,80 / 0,89 / 0,95	0,74 / 0,80 / 0,81	1,64	0,005
Самоуважение / Self-esteem	4,01a / 4,07a / 4,26b	0,69 / 0,56 / 0,72	0,85 / 0,84 / 0,91	6,93**	0,021
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	3,29a / 3,33a / 3,35a	0,75 / 0,71 / 0,75	0,81 / 0,82 / 0,84	0,30	0,001

Примечания. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; F – F-критерий Фишера; partial η^2 – частный эта-квадрат — коэффициент нелинейной корреляции;

* $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

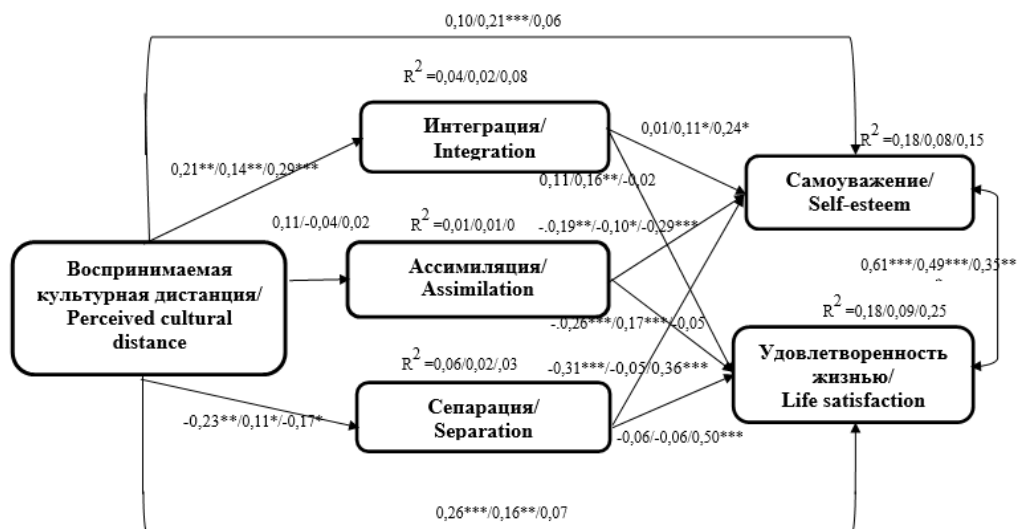
Отличающимися латинскими буквами (a, b, c) отмечены значимые различия на уровне $p < 0,05$ с поправкой на множественные сравнения Бонферрони.

Notes. M = mean; SD = standard deviation; F = F-test; partial η^2 = partial eta-square — non-linear correlation coefficient;

* $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Different Latin letters (a, b, c) indicate significant differences at the $p < 0.05$ level, corrected for Bonferroni multiple comparisons.

Далее мы провели мультигрупповой анализ. Результаты показали наличие конфигуративной инвариантности ($\Delta CFI \leq 0,01$), что позволило говорить о том, что структура используемой измерительной модели одинакова во всех трех группах. Для тестирования наших гипотез мы провели анализ, используя моделирование структурными уравнениями (путевой анализ). В приведенной на рисунке модели коэффициенты для трех групп указаны через слеш. Индикаторы моделей соответствуют рекомендованным: $\chi^2/df = 3,9/0,30/3,5$; $p = 0,001/0,652/0,019$; SRMR = 0,067/0,007/0,055, CFI = 0,95/1,00/0,96, RMSEA = 0,17/0,01/0,19, PCLOSE = 0,11/0,75/0,05.

Путевая модель взаимосвязи воспринимаемой культурной дистанции аккультурационных стратегий и психологического благополучия русских в Казахстане, Эстонии, Армении (коэффициенты представлены через слеш)

Примечания. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Path model of the relationship between the perceived cultural distance, acculturation strategies and psychological well-being of Russians in Kazakhstan, Estonia, and Armenia (results are presented using a slash: Russians from Kazakhstan/Estonia/Armenia)

Note. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$.

Проверяя нашу первую гипотезу, мы установили, что низкий уровень ВКД был положительно связан с самоуважением у русских в Эстонии и с удовлетворенностью жизнью у русских в Казахстане и Эстонии. То есть мы можем сказать, что если русские в Эстонии и Казахстане — странах, где они имеют достаточную долю в численности населения, ощущают культурную близость с принимающим обществом, то это приносит им психологическое благополучие. В Армении ВКД не имела значимых связей с показателями психологического благополучия. Можем сказать, что наша первая гипотеза подтвердилась на выборах русских Казахстана и Эстонии.

Дополнительно мы выявили взаимосвязи воспринимаемой культурной дистанции и аккультурационных стратегий. Анализ показал, что низкий уровень ВКД предсказывает установки на интеграцию во всех трех группах русских. То есть если русские воспринимают культуру принимающей страны как близкую, они ориентированы на интеграцию. Что касается связи между ВКД и стратегией ассимиляции, то она была статистически незначима у всех трех групп. Высокий уровень культурной дистанции предсказывал ориентацию на сепарацию русских в культурно далеких, но достаточно благоприятных контекстах для русских (Казахстане и Армении), и напротив, способствовал снижению установок на сепарацию у русских в культурно достаточно близком контексте, но не благоприятном (Эстонии).

Тестирование наших основных и альтернативных гипотез о взаимосвязи стратегий аккультурации и психологического благополучия (гипотезы 2, 3, 4) показало, что стратегия интеграции положительно взаимосвязана с самоуважением русских в Эстонии и Армении и с удовлетворенностью жизнью у русских в Эстонии. Стратегия ассимиляции имела значимую негативную взаимосвязь с самоуважением у всех трех групп русских. Также у русских в Казахстане эта стратегия снижала удовлетворенность их своей жизнью. Однако у русских в Эстонии данная стратегия, напротив, приводила к удовлетворенности русских своей жизнью. Стратегия сепарации была отрицательно взаимосвязана с самоуважением русских в Казахстане, однако она способствовала психологическому благополучию русских в Армении (и самоуважению, и удовлетворенности жизнью).

Таким образом, можем сказать, что наша вторая гипотеза подтвердилась на выборках русских Эстонии и Армении. Наша третья гипотеза подтвердилась частично в отношении удовлетворенности жизнью и только на выборке русских Эстонии, контекст которой является для русских ассимиляционным. Альтернативная гипотеза 3 подтвердилась полностью для русских в Казахстане и частично – в отношении самоуважения – для русских Эстонии и Армении. Четвертая гипотеза подтвердилась полностью только для русских в Армении. Альтернативная гипотеза 4 подтвердилась для русских Казахстана в отношении их самоуважения.

Далее для ответа на наш первый и второй исследовательские вопросы мы провели медиационный анализ, используя дополнительный модуль Process. Была применена модель 4, где предиктором (X) выступала ВКД, ауткамами (Y) – самоуважение и удовлетворенность жизнью, медиаторами (M) были интеграция, ассимиляция и сепарация.

В *Казахстане* у русских мы выявили, что стратегия *сепарации* была положительным медиатором во взаимосвязи ВКД и самоуважения. Медиационная модель была значимой: $R = 0,43$, $R^2 = 0,19$, $F = 10,12$, $p = 0,001$), непрямого эффекта через сепарацию – $\beta = 0,08$ [0,016; 0,146]. Поскольку прямой эффект был не значим, можно говорить о полной медиации. То есть если русские в Казахстане воспринимают местную культуру как близкую, у них снижается установка на сепарацию и это приводит к их самоуважению.

В *Эстонии* значимым медиатором выступала стратегия *интеграции*: воспринимаемая русскими культурная близость с эстонцами способствовала предпочтению интеграции, которая в свою очередь приводила как к самоуважению (показатели модели: $R = 0,28$, $R^2 = 0,08$, $F = 7,56$, $p = 0,001$; показатели непрямого эффекта $\beta = 0,02$ [0,002; 0,035]) и удовлетворенностью жизнью (показатели модели: $R = 0,28$, $R^2 = 0,08$, $F = 7,56$, $p = 0,001$, показатели непрямого эффекта: $\beta = 0,02$ [0,002; 0,035]). Поскольку ВКД оказывает прямой положительный эффект на показатели психологического благополучия, то в данном случае мы имеем дело с частичной медиацией.

В *Армении* мы выявили, что воспринимаемая культурная дистанция взаимосвязана с самоуважением через *интеграцию* (эффект положительный $\beta = 0,09$ [0,04; 0,30], модель значимая: $R = 0,38$, $R^2 = 0,15$, $F = 5,07$, $p = 0,001$) и через *сепарацию* (эффект отрицательный $\beta = -0,08$ [-0,19; -0,03]). Поскольку прямого эффекта ВКД не оказывала на самоуважение русских в *Армении*, здесь выявлена полная медиация. Для удовлетворенности жизнью также выявлен не прямой отрицательный эффект ВКД через *сепарацию* (показатели модели: $R = 0,50$, $R^2 = 0,25$, $F = 10,01$, $p = 0,001$; показатели непрямого эффекта $\beta = -0,11$ [-0,24; -0,03], медиация полная). То есть если русские чувствуют культурную близость с армянами, то это приводит к их ориентации на интеграцию, что в свою очередь способствует самоуважению. Если русские воспринимают местную культуру как далекую, то это способствует предпочтению стратегии сепарации, которая позитивно сказывается как на самоуважении русских в *Армении*, так и на их удовлетворенности жизнью.

Обсуждение результатов

В данной статье представлены результаты исследования роли ВКД и аккультурационных стратегий в психологическом благополучии представителей русского этнического меньшинства, проживающего в трех постсоветских странах – *Казахстане*, *Эстонии* и *Армении*. Наше исследование показало, что высокая ВКД оказывает негативное влияние на психологическое благополучие русских в тех странах, где они имеют достаточно высокую долю в численности населения — *Казахстане* и *Эстонии*. То есть можно сказать, что когда русские ощущают, что их достаточно много, для их психологического благополучия очень важно чувствовать культурную близость с этническим большинством. К похожим результатам пришли ранее исследователи, изучающие психологическую адаптацию мигрантов (Suanet и van de Vijver, 2009; Ward, 2001; Ward, & Kennedy, 1993). Данные показали, что высокий уровень ВКД повышает уровень стресса и снижает благополучие.

В *Армении* мы не выявили влияния ВКД на психологическое благополучие. Русские в этой стране составляют менее 1 %, их очень мало, возможно, они изначально настроены на то, что окружены во всех сферах жизни иной культурой, это снижает значимость для них культурной дистанции с этническим большинством в целом и для их благополучия в частности.

В ходе исследования мы также нашли, что при высокой ВКД установки на интеграцию очень низки во всех трех группах русских. Это говорит о том, что для установок на интеграцию очень важно, чтобы представители русского этнического меньшинства ощущали культурную близость с этническим большинством. Наши данные находят подтверждение в других исследованиях (Benet-Martínez, Haritatos, 2005; Berry, 2005; Bourhis, Montaruli, El-Geledi, Harvey, Barrette, 2010). При этом нельзя сказать, что при высокой ВКД представители русского этнического меньшинства готовы ассимилиро-

ваться, такой связи мы не выявили. Однако было установлено, что когда русские ощущают высокую культурную дистанцию в культурно далеких контекстах (в нашем исследовании это Казахстан и Армения), то они ориентируются на сепарацию. В культурно близком контексте Эстонии ситуация противоположная — русские, имеющие высокий уровень ВКД, не ориентированы на стратегию сепарации. Обобщая можно отметить, что низкий уровень ВКД ведет к предпочтению стратегии интеграции во всех контекстах и стратегии сепарации — в достаточно близком культурном контексте, а также снижает ориентацию на сепарацию в далеком культурном контексте.

Результаты нашего исследования показали, что стратегия интеграции способствует благополучию русских в Армении и Эстонии. В Казахстане эта связь положительная, но статистически не значимая. В целом наши данные близки к ранее полученным результатам (Mutual intercultural relations, 2017). Стратегия ассимиляции не способствовала самоуважению русских во всех трех странах. Можно сказать, что представители русского этнического меньшинства, предпочитающие стратегию ассимиляции, имеют низкий уровень самоуважения. Ранее похожие результаты были получены на выборке русских в Грузии (Berry et al., 2019). Влияние данной стратегии на удовлетворенность русских своей жизнью отличается в разных контекстах: у русских в Казахстане (достаточно благоприятный для русских контекст) он был отрицательным, а в Эстонии (ассимиляционный контекст для русских) — положительным. Можно заключить, что ассимиляция не приносит самоуважения русским вне зависимости от контекста, в благоприятном контексте она не способствует удовлетворенности жизнью, а в ассимиляционном, напротив, благоприятствует. Подобные данные были получены ранее в исследовании, проведенном среди русских Таджикистана (Berry et al., 2019).

Стратегия, связанная с ориентацией на собственную культуру, способствовала психологическому благополучию только у русских в Армении. Возможно, это связано с тем, что русских мало в данной стране, и этническое большинство не воспринимает их как угрозу (ни культурную, ни экономическую), поэтому «позволяет» русским сохранять свою культуру. Для русских в Армении, в свою очередь, как очень малочисленной группе, находящейся в иной культурной среде, важно поддерживать свою культуру, это повышает их психологическое благополучие. Близкие результаты получены в других исследованиях, проведенных ранее в Крыму у крымских татар и на Кубани у армян (Коджа и др., 2019; Galyapina et al., 2023).

В Казахстане мы выявили отрицательное влияние стратегии сепарации на самоуважение русских. Возможно, это связано с тем, что Казахстан предоставляет русским широкие возможности для интеграции (и языковые, и культурные, и экономические), поэтому стремление к сохранению только собственной культуры не способствовало самоуважению русских. Такой же результат был получен на выборке русских в Дагестане (Galyapina et al., 2021).

Говоря о медиационном эффекте, можно заключить, что в Казахстане ВКД имела влияние на самоуважение только через стратегию сепарации. Механизм был следующий: низкий уровень ВКД способствовал снижению установок на сепарацию, а это в свою очередь повышало самоуважение русских.

В Эстонии частичным медиатором выступала стратегия интеграции: низкий уровень ВКД способствовал предпочтению стратегии интеграции, которая, в свою очередь, приводила к самоуважению и удовлетворенности русских своей жизнью.

В Армении мы выявили разные механизмы взаимосвязи ВКД с показателями психологического благополучия через стратегии интеграции и сепарации: при низком уровне ВКД у русских Армении увеличивается ориентация на интеграцию, что, в свою очередь, способствует самоуважению; при высоком уровне ВКД увеличивается ориентация на сепарацию, которая позитивно сказывается как на самоуважении, так и на удовлетворенности русских своей жизнью в Армении.

Можно видеть, что для представителей русского этнического меньшинства, имеющих достаточную долю в численности страны проживания, очень важно воспринимать культуру этнического большинства как близкую. Тогда в культурно близком, но ассимиляционном для русских контексте (Эстония) предпочтение стратегии интеграции будет «проводником» между ВКД в психологическом благополучии, а в культурно далеком, но достаточно благоприятном для русских контексте (Казахстане) — низкий уровень стратегии сепарации будет опосредовать связь ВКД и самоуважения русских.

В Армении, в силу того, что русских очень мало, их культура практически «не видна» в культурном армянском контексте, у русских выработан механизм и для тех, кто ощущает культурную близость, и для тех, кто ощущает культурную дистанцию: при восприятии армянской культуры как близкой идет ориентация на интеграцию, которая приводит к психологическому благополучию; при высоком уровне ВКД идет ориентация на сепарацию, которая также приводит к психологическому благополучию. В целом можно сказать, что ВКД оказывает влияние на благополучие русских в Армении только через стратегии интеграции или сепарации.

Заключение и выводы

Обобщая итоги проведенного исследования, можно сделать ряд **выводов**.

1. У представителей русского этнического меньшинства высокая ВКД снижает психологическое благополучие только в культурно близком, но не очень благоприятном контексте, где русские имеют достаточно высокую численность (Эстония). Кроме того, в данной стране стратегия интеграции является медиатором связи ВКД с психологическим благополучием: воспринимаемая русскими культурная близость с эстонцами способствует

предпочтению интеграции, которая в свою очередь приводит как к самоуважению, так и к удовлетворенности жизнью.

2. В культурно далеком, но благоприятном контексте, где русских достаточно много (Казахстан), высокая ВКД снижает удовлетворенность русских своей жизнью. Эффект ВКД на самоуважение проходит только через стратегию сепарации: воспринимаемая русскими культурная близость с казахами снижает их установки на сепарацию и это приводит к их самоуважению.

3. В культурно близком и благоприятном контексте, где русских очень мало (Армения), ВКД не взаимосвязана с психологическим благополучием русских. Однако существует непрямой медиационный эффект: воспринимаемая русскими культурная близость с армянами приводит к их ориентации на интеграцию, что в свою очередь способствует самоуважению; воспринимаемая русскими культурная дистанция с армянами способствует предпочтению стратегии сепарации, которая позитивно сказывается как на самоуважении русских, так и на их удовлетворенности жизнью.

Можно сказать, что в разных социокультурных контекстах представители русского этнического меньшинства выработали механизмы преодоления стресса, связанного с проживанием в иной культурной среде: в случае если русских много, вне зависимости от культурной близости и благоприятности контекста, для русских важно ощутить культурную близость с титульным этносом, и тогда их ориентация на интеграцию или на снижение сепарации приносит ощущение благополучия; в случае, когда русских численно очень мало, они выработали механизмы для ситуации, когда принимающая культура воспринимается как близкая – здесь им помогает интеграционная стратегия, и когда принимающая культура воспринимается как очень далекая – здесь им помогает стратегия сепарации.

Исследование в целом демонстрирует, что актуализация в дискурсе стран информации о близости культур, о наличии общей истории, традиций и др. может быть стимулом для снижения воспринимаемой культурной дистанции у представителей этнических меньшинств и способствовать их психологическому благополучию. Также результаты продемонстрировали роль социокультурного контекста как в восприятии культурной дистанции, так и в ее взаимосвязи с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах. В целом полученные данные могут быть полезны организациям, которые работают с русской диаспорой в разных странах. Также это в целом будет значимо для разработки программ эффективного межкультурного взаимодействия в регионах России, поскольку демонстрирует важную роль воспринимаемой меньшинствами культурной близости с культурой этнического большинства в их психологическом благополучии.

Данное исследование имеет ряд *ограничений*, связанных с несбалансированностью выборки по полу в некоторых странах, а также с тем, что при сборе данных использовался метод «удобной выборки». Кроме того, наше исследование проводилось на выборке русского этнического меньшинства. Для проверки универсальности полученных результатов необходима проверка на выборках других этнических меньшинств.

Список литературы

- Жамакочян А., Акопян Л.* Ценностные ориентации Армении в контексте межкультурных исследований // «Глобус» – аналитический журнал. 2013. № 7. URL: http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12288 (дата обращения 10.12.2023 г.)
- Коджа Е.А., Лебедева Н.М., Галяпина В.Н., Лепшокова З.Х., Рябиченко Т.А.* Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 250–268. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-250-268>
- Назаров Р.Р.* Межэтнические отношения и модель этнической политики Казахстана // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. № 3. С. 320–328.
- Оганисян В.* О некоторых аспектах армяно-российского культурного сотрудничества // 21-й ВЕК: информационно-аналитический журнал. 2012. № 3 (23). С. 83–90.
- Руднев М. Г.* Влияние внутривосточных этнических различий на жизненные ценности населения Эстонии // Социологические этюды: сборник статей аспирантов. Вып. 2 / под общ. ред. М.К. Горшкова. Сост.: Т.Н. Короткова, Л.А. Окольская, Л.В. Яикова. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 113–123.
- Современная молодежь Армении и России: социально-демографические и этнокультурные ориентации: коллективная монография / отв. ред. Р.А. Старченко, Р.С. Карапетян; Ин-т этнологии и антропологии РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. М.: ИЭА РАН, 2020. 193 с.
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сборник научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
- Цуциев А.А.* Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий. Часть II // Научная мысль Кавказа. 2001. № 3. С. 46–65.
- Шалгинбаева С.Х.* Семейные традиции и социокультурный облик казахов городов Алматы и Тараза (этносоциологическое исследование): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2002. 29 с.
- Azar G., Drogendijk R.* Cultural distance, innovation and export performance: An examination of perceived and objective cultural distance // *European Business Review*. 2016. Vol. 28. No 2. Pp. 176–207. <https://doi.org/10.1108/eb-06-2015-0065>
- Babiker I.E., Cox J.L., Miller P.M.* The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultations, symptomatology and examination performance of overseas students at Edinburgh University // *Social Psychiatry*. 1980. Vol. 15. No 3. Pp. 109–116. <https://doi.org/10.1007/bf00578141>
- Benet-Martínez V., Haritatos J.* Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents // *Journal of Personality*. 2005. Vol. 73. No 4. Pp. 1015–1050. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x>
- Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. No 6. Pp. 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry J.W., Galyapina V.N., Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Ryabichenko T.A.* Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Vol. 16. No 2. Pp. 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P.* Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // *Applied Psychology*. 2006. Vol. 55. No 3. Pp. 303–332. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x>

- Bourhis R.Y., Montaruli E., El-Geledi S., Harvey S.-P., Barrette G.* Acculturation in multiple host community settings // *Journal of Social Issues*. 2010. Vol. 66. No 4. Pp. 780–802. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2010.01675.x>
- Charoensukmongkol P., Pandey A.* Trait mindfulness and cross-cultural sales performance: The role of perceived cultural distance // *Canadian Journal of Administrative Sciences / Revue Canadienne Des Sciences de l'Administration*. 2021. Vol. 38. No 4. Pp. 339–353. <https://doi.org/10.1002/cjas.1638>
- Cheng C.-Y., Leung A.K.-y.* Revisiting the multicultural experience–creativity link: The effects of perceived cultural distance and comparison mind-set // *Social Psychological and Personality Science*. 2013. Vol. 4. No 4. Pp. 475–482. <https://doi.org/10.1177/1948550612462413>
- Croucher S.M.* Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: An analysis of Muslim immigration in Western Europe // *Communication Monographs*. 2013. Vol. 80. No 1. Pp. 46–62. <https://doi.org/10.1080/03637751.2012.739704>
- DeQuero-Navarro B., Barakat K.A., Shultz C.J., Araque-Padilla R.A., Montero-Simó M.J.* Consumer animosity and perceived cultural distance: Toward mutual well-being for refugees and host countries // *Journal of Consumer Affairs*. 2022. Vol. 56. No 4. Pp. 1496–1524. <https://doi.org/10.1111/joca.12473>
- English A., Chi R.* A longitudinal study on international students' stress, problem focused coping and cross-cultural adaptation in China // *Journal of International Students*. 2020. Vol. 10. No S(1). Pp. 73–86. [https://doi.org/10.32674/jis.v10is\(3\).1774](https://doi.org/10.32674/jis.v10is(3).1774)
- Fan D.X.F., Zhang H.Q., Jenkins C.L., Lin P.M.C.* Does tourist–host social contact reduce perceived cultural distance? // *Journal of Travel Research*. 2017. Vol. 56. No 8. Pp. 998–1010. <https://doi.org/10.1177/0047287517696979>
- Galchenko I., Van de Vijver F.J.R.* The role of perceived cultural distance in acculturation among exchange students in Russia // *International Journal of Intercultural Relationships*. 2007. Vol. 31. No 2. Pp. 187–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
- Galyapina V.N., Lepshokova Z., Molodikova I.N.* Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation // *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Vol. 22. No 1. Pp. 75–90. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
- Galyapina V.N., Tuchina O.R., Apollonov I.A.* Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Vol. 20. No 2. Pp. 197–210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>
- Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T.* Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37. No 9. Pp. 1423–1440. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.623617>
- Kaldur K., Vetik R., Kirss L., Kivistik K., Seppel K., Kallas K., Masso M., Anniste K.* Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017. Tartu: Balti Uuringute Instituut, 2017. 108 p.
- Kibria N.* Race, ethnic options, and ethnic binds: Identity negotiations of second-generation Chinese and Korean Americans // *Sociological Perspectives*. 2000. Vol. 43. No 1. Pp. 77–95. <https://doi.org/10.2307/1389783>
- Kus-Harbord L., Ward C.* Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes // *International Perspectives in Psychology*. 2015. Vol. 4. No 1. Pp. 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>

- LaFromboise T., Coleman H.L.K., Gerton J.* Psychological impact of biculturalism: Evidence and theory // *Psychological Bulletin*. 1993. Vol. 114. No 3. Pp. 395–412. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.114.3.395>
- Lebedeva N., Galyapina V., Lepshokova Z., Ryabichenko T.* Intercultural relations in Russia // *Mutual Intercultural Relations* / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 1–33. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.002>
- Lebedeva N., Tatarko A., Galyapina V.* Intercultural relations in Latvia and Azerbaijan // *Mutual Intercultural Relations* / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 34–58. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.003>
- Lebedeva N.M., Ryabichenko T.A.* Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9. No 1. Pp. 98–111. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0107>
- Liu H., Li X. (Robert), Cardenas D.A., Yang Y.* Perceived cultural distance and international destination choice: The role of destination familiarity, geographic distance, and cultural motivation // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2018. Vol. 9. Pp. 300–309. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2018.03.002>
- Melkonian M., Areepattamannil S., Menano L., Fidalgo P.* Examining acculturation orientations and perceived cultural distance among immigrant adolescents in Portugal: Links to performance in reading, mathematics, and science // *Social Psychology of Education*. 2019. Vol. 22. No 4. Pp. 969–989. <https://doi.org/10.1007/s11218-019-09506-5>
- Mumford D.B.* The measurement of culture shock // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 1998. Vol 33. No 4. Pp. 149–154. <https://doi.org/10.1007/s001270050037>
- Mutual intercultural relations* / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 452 p. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Ogbu J.U.* Adaptation to minority status and impact on school success // *Theory into Practice*. 1992. Vol. 31. No 4. Pp. 287–295. <https://doi.org/10.1080/00405849209543555>
- Pesch R., Bouncken R.B.* The double-edged sword of cultural distance in international alliances – How perceived cultural distance influences trust and task discourse to drive new product development performance // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2017. Vol. 24. No 1. Pp. 33–54. <https://doi.org/10.1108/ccsm-03-2016-0065>
- Rienties B., Tempelaar D.* The role of cultural dimensions of international and Dutch students on academic and social integration and academic performance in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. No 2. Pp. 188–201. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2012.11.004>
- Schachner M.K., Van de Vijver F.J., Noack P.* Family-related antecedents of early adolescent immigrants' psychological and sociocultural school adjustment in Germany // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2014. Vol. 45. No 10. Pp. 1606–1625. <https://doi.org/10.1177/0022022114543831>
- Schmitz P.G., Berry J.W.* Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A study with immigrant and national samples in Germany // *Rendering borders obsolete: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor*. Proceedings from the 19th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology / Ed by F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, K. Boehnke. Bremen, Germany: International Association for Cross-Cultural Psychology, 2011. Pp. 52–70. <https://doi.org/10.4087/ygkd3122>

- Searle W., Ward C. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // *International Journal of Intercultural Relations*. 1990. Vol. 14. No 4. Pp. 449–464. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(90\)90030-Z](https://doi.org/10.1016/0147-1767(90)90030-Z)
- Suanet I., Van de Vijver F.J.R. Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. Vol. 19. No 3. Pp. 182–197. <https://doi.org/10.1002/casp.989>
- Ward C. Ethno-cultural identity conflict in Korean youth in New Zealand // *Seventh Biennial Conference of the Asian Association of Social Psychology*. Conference Proceedings. Kota Kinabalu, Sabah, Malaysia, 25-29 July 2007. Kota Kinabalu: AASP, 2007. Pp. 126–129.
- Ward C. The ABCs of acculturation // *The handbook of culture and psychology* / Ed. by D. Matsumoto. New York: Oxford University Press, 2001. Pp. 411–445.
- Ward C., Kennedy A. Psychological and socio-cultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students overseas and at home // *International Journal of Psychology*. 1993. Vol. 28. No 2. Pp. 129–147. <https://doi.org/10.1080/00207599308247181>

История статьи:

Поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.

Принята к печати 20 марта 2024 г.

Для цитирования:

Галаяпина В.Н., Умуркулова М.М., Тучина О.Р. Воспринимаемая культурная дистанция и психологическое благополучие русских в разных контекстах постсоветских стран: медиативная роль аккультурационных стратегий // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 360–384. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-360-384>

Вклад авторов:

В.Н. Галаяпина – концепция, дизайн исследования, анализ результатов, написание текста статьи. М.М. Умуркулова – сбор данных, описание социокультурных контекстов. О.Р. Тучина – написание и редактирование текста, обсуждение результатов.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Галаяпина Виктория Николаевна, доктор психологических наук, доцент, профессор департамента психологии, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0003-4122-6455, SPIN-код: 2391-7845. E-mail: vgalyapina@hse.ru

Умуркулова Мадина Максимовна, PhD in Psychology, доцент департамента психологии, директор научно-исследовательской социально-психологической лаборатории Некоммерческого акционерного общества «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова» (100024, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28). ORCID: 0000-0001-8469-6989, ResearcherID: ABW-2551-2022. E-mail: madinaumurkulova@mail.ru

Тучина Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (350072, Россия, г. Краснодар, ул. Московская, 2). ORCID: 0000-0001-5525-7645, SPIN-код: 6989-5374. E-mail: tuchena@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-360-384

EDN: IGQQR

UDC 316.6

Research article

Perceived Cultural Distance and Psychological Well-Being of Russians in Different Contexts of Post-Soviet Countries: The Mediating Role of Acculturation Strategies

Victoria N. Galyapina¹, Madina M. Umurkulova²,
Oksana R. Tuchina³

¹HSE University,

Moscow, Russian Federation

²Karaganda State University named after E.A. Buketov,

Karaganda, Republic of Kazakhstan

³Kuban State Technological University,

Krasnodar, Russian Federation

 vgalyapina@hse.ru

Abstract. The paper is devoted to the search for universal and culture-specific relationships between perceived cultural distance, acculturation strategies and psychological well-being of Russians in three post-Soviet countries: Kazakhstan, Armenia and Estonia. In the study, the authors relied on perceived cultural distance theory and acculturation theory. The sample included 660 Russians (179 – in Kazakhstan, 358 – in Estonia, 123 – in Armenia). The study used structural equation modeling, multigroup analysis, and mediation analysis. The results have shown that perceived cultural distance is a negative predictor of the psychological well-being of Russians in post-Soviet countries where they are quite numerous (Kazakhstan and Estonia). Moreover, high perceived cultural distance reduces the orientation towards integration in all the countries studied, increases the attitude towards separation in favorable contexts (Kazakhstan and Armenia) and decreases it in unfavorable contexts (Estonia). As the mediation analysis has shown, in countries where the number of Russians is fairly high, perceived cultural closeness is an important factor: it increases the importance of the integration strategy (in Estonia) and reduces the importance of the separation strategy (in Kazakhstan), thereby contributing to the psychological well-being of Russians. In Armenia, where there are very few Russians, they have developed an adaptation mechanism both in situations of high and low perceived cultural distance: in the first case, high cultural distance increases separation attitudes, which lead to psychological well-being; in the second case, the main role is played by the integration strategy, which mediates the positive relationship between perceived cultural closeness and psychological well-being of the local Russians. This study aims to show that the actualization of information about cultural closeness, common history, traditions, etc. in the discourse of countries can be an incentive to reduce the perceived cultural distance among representatives of ethnic minorities and contribute to their psychological well-being.

Key words: perceived cultural distance, acculturation strategies, psychological well-being, Russian ethnic minority, Kazakhstan, Estonia, Armenia

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Azar, G., & Drogendijk, R. (2016). Cultural distance, innovation and export performance: An examination of perceived and objective cultural distance. *European Business Review*, 28(2), 176–207. <https://doi.org/10.1108/eb-06-2015-0065>
- Babiker, I.E., Cox, J.L., & Miller, P.M. (1980). The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultations, symptomatology and examination performance of overseas students at Edinburgh University. *Social Psychiatry*, 15(3), 109–116. <https://doi.org/10.1007/bf00578141>
- Benet-Martínez, V., & Haritatos, J. (2005). Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents. *Journal of Personality*, 73(4), 1015–1050. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x>
- Berry, J.W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry, J.W. (Ed.). (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Berry, J.W., Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Berry, J.W., Phinney, J.S., Sam, D.L., & Vedder, P. (2006). Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology*, 55(3), 303–332. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x>
- Bourhis, R.Y., Montaruli, E., El-Geledi, S., Harvey, S.-P., & Barrette, G. (2010). Acculturation in multiple host community settings. *Journal of Social Issues*, 66(4), 780–802. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2010.01675.x>
- Charoensukmongkol, P., & Pandey, A. (2021). Trait mindfulness and cross-cultural sales performance: The role of perceived cultural distance. *Canadian Journal of Administrative Sciences / Revue Canadienne Des Sciences de l'Administration*, 38(4), 339–353. <https://doi.org/10.1002/cjas.1638>
- Cheng, C.-Y., & Leung, A.K.-y. (2013). Revisiting the multicultural experience–creativity link: The effects of perceived cultural distance and comparison mind-set. *Social Psychological and Personality Science*, 4(4), 475–482. <https://doi.org/10.1177/1948550612462413>
- Croucher, S.M. (2013). Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: An analysis of Muslim immigration in Western Europe. *Communication Monographs*, 80(1), 46–62. <https://doi.org/10.1080/03637751.2012.739704>
- DeQuero-Navarro, B., Barakat, K.A., Shultz, C.J., Araque-Padilla, R.A., & Montero-Simó, M.J. (2022). Consumer animosity and perceived cultural distance: Toward mutual well-being for refugees and host countries. *Journal of Consumer Affairs*, 56(4), 1496–1524. <https://doi.org/10.1111/joca.12473>
- Kaldur, K., Vetik, R., Kirss, L., Kivistik, K., Seppel, K., Kallas, K., Masso, M., & Anniste, K. (2017). *Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017*. Tartu: Balti Uuringute Instituut.
- English, A., & Chi, R. (2020). A longitudinal study on international students' stress, problem focused coping and cross-cultural adaptation in China. *Journal of International Students*, 10(S(1)), 73–86. [https://doi.org/10.32674/jis.v10is\(3\).1774](https://doi.org/10.32674/jis.v10is(3).1774)
- Fan, D.X.F., Zhang, H.Q., Jenkins, C.L., & Lin, P.M.C. (2017). Does tourist–host social contact reduce perceived cultural distance? *Journal of Travel Research*, 56(8), 998–1010. <https://doi.org/10.1177/0047287517696979>
- Hovhannisyan, V. (2012). On some aspects of Armenian-Russian cultural cooperation. *21-i VEK*, (3), 83–90. (In Russ.)
- Galchenko, I., & Van de Vijver, F.J.R. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>

- Galyapina, V., Lepshokova, Z., & Molodikova, I. (2021). Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation. *Central Asia and The Caucasus*, 22(1), 75–90. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
- Galyapina, V.N., Tuchina, O.R., & Apollonov, I.A. (2023). Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 197–210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>
- Jasinskaja-Lahti, I., Horenczyk, G., & Kinunen, T. (2011). Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 37(9), 1423–1440. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.623617>
- Kibria, N. (2000). Race, ethnic options, and ethnic binds: identity negotiations of second-generation Chinese and Korean Americans. *Sociological Perspectives*, 43(1), 77–95. <https://doi.org/10.2307/1389783>
- Kodja, E.A., Lebedeva, N.M., Galyapina, V.N., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Russian Crimea: empirical testing of three hypotheses. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 250–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-250-268>
- Kus-Harbord, L., & Ward, C. (2015). Ethnic Russians in Post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology*, 4(1), 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>
- LaFromboise, T., Coleman, H.L.K., & Gerton, J. (1993). Psychological impact of biculturalism: Evidence and theory. *Psychological Bulletin*, 114(3), 395–412. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.114.3.395>
- Lebedeva, N.M., & Ryabichenko, T.A. (2016). Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 98–111. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0107>
- Lebedeva, N., Galyapina, V., Lepshokova, Z., & Ryabichenko, T. (2017). Intercultural relations in Russia. In J.W Berry (Ed.). *Mutual Intercultural Relations* (pp. 1–33). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.002>
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N., Tatarko, A., & Galyapina, V. (2017). Intercultural relations in Latvia and Azerbaijan. In J.W Berry (Ed.). *Mutual Intercultural Relations* (pp. 34–58). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.003>
- Liu, H., Li, X. (Robert), Cárdenas, D.A., & Yang, Y. (2018). Perceived cultural distance and international destination choice: The role of destination familiarity, geographic distance, and cultural motivation. *Journal of Destination Marketing & Management*, 9, 300–309. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2018.03.002>
- Melkonian, M., Areepattamannil, S., Menano, L., & Fildago, P. (2019). Examining acculturation orientations and perceived cultural distance among immigrant adolescents in Portugal: Links to performance in reading, mathematics, and science. *Social Psychology of Education*, 22(4), 969–989. <https://doi.org/10.1007/s11218-019-09506-5>
- Mumford, D.B. (1998). The measurement of culture shock. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 33(4), 149–154. <https://doi.org/10.1007/s001270050037>
- Nazarov, R.R. (2017). Interethnic relations and model of the ethnic policy of Kazakhstan. *World of Greater Altai*, 3(3), 320–328. (In Russ.)
- Ogbu, J.U. (1992). Adaptation to minority status and impact on school success. *Theory into Practice*, 31(4), 287–295. <https://doi.org/10.1080/00405849209543555>

- Pesch, R., & Bouncken, R.B. (2017). The double-edged sword of cultural distance in international alliances: How perceived cultural distance influences trust and task discourse to drive new product development performance. *Cross Cultural & Strategic Management*, 24(1), 33–54. <https://doi.org/10.1108/ccsm-03-2016-0065>
- Rienties, B., & Tempelaar, D. (2013). The role of cultural dimensions of international and Dutch students on academic and social integration and academic performance in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(2), 188–201. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2012.11.004>
- Rudnev, M.G. (2009). Impact of ethnic differences within countries on life values of Estonia population. In M.K. Gorshkov, T.N. Korotkova, L.A. Okol'skaya, L.V. Yaikova (Eds.). *Sociological studies: A collection of articles by graduate students* (iss. 2, pp. 113–123). Moscow: Institute of Sociology RAS Publ. (In Russ.)
- Schachner, M.K., Van de Vijver, F.J.R., & Noack, P. (2014). Family-related antecedents of early adolescent immigrants' psychological and sociocultural school adjustment in Germany. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(10), 1606–1625. <https://doi.org/10.1177/0022022114543831>
- Schmitz, P.G., & Berry, J.W. (2011). Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A study with immigrant and national samples in Germany. In F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, & K. Boehnke (Eds.). *Rendering borders obsolete: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor*. Proceedings from the 19th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology (pp. 52–70). Bremen, Germany: International Association for Cross-Cultural Psychology. <https://doi.org/10.4087/ygkd3122>
- Searle, W., & Ward, C. (1990). The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations*, 14(4), 449–464. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(90\)90030-Z](https://doi.org/10.1016/0147-1767(90)90030-Z)
- Shalginbaeva, S.Kh. (2002). *Family traditions and sociocultural image of Kazakhs in the cities of Almaty and Taraz (ethnosociological study)*. PhD in History Thesis Abstract. Almaty: al-Farabi Kazakh National University Publ. (In Russ.)
- Starchenko, R.A., & Karapetyan, R.S. (Eds). (2020). *Modern youth of Armenia and Russia: socio-demographic and ethnocultural orientations: Collective monograph*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS Publ. (In Russ.)
- Suanet, I., & Van de Vijver, F.J.R. (2009). Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 19(3), 182–197. <https://doi.org/10.1002/casp.989>
- Tsutsiev, A.A. (2001). Russians and Caucasians essay of habitual perceptions. Part II. *Scientific thought of Caucasus*, (3), 46–65. (In Russ.)
- Ward, C. (2001). The ABCs of acculturation. In D. Matsumoto (Ed.). *The handbook of culture and psychology* (pp. 411–445). New York: Oxford University Press.
- Ward, C. (2007). Ethno-cultural identity conflict in Korean youth in New Zealand. *Seventh Biennial Conference of the Asian Association of Social Psychology*. Conference Proceedings (ch. 8, pp. 126–129). Kota Kinabalu, Sabah: AASP.
- Ward, C., & Kennedy, A. (1993). Psychological and socio-cultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students overseas and at home. *International Journal of Psychology*, 28(2), 129–147. <https://doi.org/10.1080/00207599308247181>
- Zhamakochnyan, A., & Hakobyan, L. (2013). Armenia's value orientations in the context of intercultural researches. *"Globus" analytical journal*, (7). Retrieved December 10, 2023, from http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12288 (In Russ.)

Article history:

Received 28 February 2024

Revised 19 March 2024

Accepted 20 March 2024

For citation:

Galyapina, V.N., Umurkulova, M.M., & Tuchina, O.R. (2024). Perceived cultural distance and psychological well-being of Russians in different contexts of post-soviet countries: The mediating role of acculturation strategies. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 360–384. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-360-384>

Author's contribution:

Victoria N. Galyapina – concept and design of the study, analysis of the results, writing of the text. *Madina M. Umurkulova* – description of sociocultural contexts, collection and processing of materials. *Oksana R. Tuchina* – writing and editing of the text, discussion of the results.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Victoria N. Galyapina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Chief Researcher of the Center for Sociocultural Research of the Faculty of Social Sciences, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-4122-6455, SPIN-code: 2391-7845. E-mail: vgalyapina@hse.ru

Madina M. Umurkulova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Director of Laboratory of Social and Psychological Research of Karaganda University named after Academician E.A. Buketov (28 Universitetskaya St, 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan). ORCID: 0000-0001-8469-6989, ResearcherID: ABW-2551-202. E-mail: madinaumurkulova@mail.ru

Oksana R. Tuchina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University (2 Moskovskaya St, 350072 Krasnodar, Russia). ORCID: 0000-0001-5525-7645, SPIN-code: 6989-5374. E-mail: tuchena@yandex.ru